
А. М. БУРОВСКИЙ

МОЛОДЕЖЬ И «КУЛЬТ НАСИЛИЯ»

Специальные исследования и исторические сопоставления показывают, что представление о возросшей агрессивности современной молодежи беспочвенно. Действительная тенденция состоит в том, что при сохранении совокупного объема социального насилия (по закону антропологических констант) оно сублимируется из физической в символическую и виртуальную сферы.

Отец: «Безобразия! Искать женщин по Интернету! Это же чудовищно! Безнравственно!»

Сын: «А как ты познакомился с мамой?»

Отец: «Как все нормальные люди... Как полагается... Выиграл ее в покер».

Американский анекдот

Обвинять молодежь в «забвении правильного чтения молитв» и в «уклонении от истинного Дао» – традиционное занятие. Первые тексты такого рода с ритуальными обвинениями в адрес тогдашней молодежи найдены среди папирусов Вавилона (Папирус Присса, написанный в III тысячелетии до н. э.) и творений Лао-Цзы.

Требовать от молодежи абсолютной покорности и простого воспроизводства отношения к жизни старших логично в эпоху культур, которые М. Мид (1983) назвала *постфигуративными*. Если есть убеждение, что идеал уже достигнут в прошлом, задача молодых – как можно точнее воспроизвести наработки старших поколений и повторить их судьбы. Классическая картина регресса, в которой лучшее было вчера, завтра грозит только ухудшением, и всякое отступление от традиции просто опасно (один из трех архетипов времени, подробно описанных в: Назаретян 2004).

В эпоху *префигуративных* культур абсолютная ценность прошлого сомнительна. Можно привести много примеров того, как стремительно изменяющаяся жизнь быстрее осваивается именно молодыми. Опыт старших, тем более прошлых поколений, воспринимается в лучшем случае частично. Он и полезен лишь частично.

Почему же обвинения в адрес молодежи сохраняются как неизменный элемент нашей стремительно меняющейся культуры? Совсем недавно, в 1960-е – начале 1970-х годов, молодежь обвиняли в распущенности, отступлении от идеалов отцов и дедов, легкомыслии. Молодых людей обвиняли также в том, что они носят длинные волосы и ходят в джинсах – то есть в кощунственном нежелании воспроизводить не только духовный, но и физический облик отцов и дедов. Обвинения со стороны старшего поколения европейцев мало чем отличались от обвинений африканских племенных вождей, требовавших от молодых соплеменников никогда не надевать пиджаки и юбки, завезенные в свое время колонизаторами (Мосейко 1975). И вели себя ничем не лучше: когда в 1970-е годы советские учительницы тащили в уборную и смывали с лиц старшеклассниц макияж или демонстративно накидывали на них шерстяные кофты поверх «слишком прозрачных» блузок, когда военруки водили парней в парикмахерскую стричь «слишком длинные» волосы, старшее поколение России (Украины, прибалтийских республик, Белоруссии, Казахстана) вело себя точно так же, как старшее поколение племен хауса, тутси, хуту, нилотов или масаев. Идеологические заклинания тоже похожи до смешного: забвение идеалов, нарушение традиции, подражание внешнему врагу.

В конце 2000-х годов бросать такие обвинения еще легче: на место хиппи и рокеров пришло до 30 различных молодежных субкультур, среди которых такие экзотичные, как эмо, готы или байкеры. Не буду вдаваться в описание этих субкультур, желающий легко найдет необходимую литературу (см., например: Козлов 2007). Важно, что их носители и внешне, и по поведению сильно отличаются как друг от друга, так и от носителей традиционной культуры. Что еще важнее – обвинения бросают многие из тех, кто сам в своей собственной молодости подвергался обструкции за «ненормативный» внешний вид и «неправильный» образ мыслей.

Почему же обвинения в адрес молодежи воспроизводятся с такой печальной последовательностью? На наш взгляд, тому есть несколько причин.

Во-первых, действует «постфигуративная» модель истории, в рамках которой идеал видится в прошлом, а история человечества оценивается как цепь последовательных ухудшений. Такая модель сохраняет влияние в ментальности современного человека и проявляется в упорном стремлении воспроизвести соответствующее отношение к действительности. Люди в юности готовы сделать рывок и изменить культуру, в которой воспитывались. Но «свое» они уже стремятся превратить в константу, в тот самый абсолютный

идеал, который «нельзя» безнаказанно разрушать. Это особенно опасно в наше время, в эпоху стремительных перемен, но опасность не замечается, а то и агрессивно отрицается.

Во-вторых, стремительно несущаяся жизнь дает множество примеров изменений, ценность которых еще не доказана временем. Большая часть изменений по смыслу скорее нейтральна, чем однозначно «хороша» или «плоха». Очень трудно доказать, что замена колготок чулками на липучках или появление гелевых ручек несет что-то «позитивное» или «негативное». Но любые перемены именно из-за их стремительности и непроверенности опытом легко трактовать как «негативные». Невротизированный человек усматривает в потоке перемен угрозы привычному и комфортному состоянию мира.

В-третьих, «регрессивная» картина изменений приятно ласкает сознание неуверенного в себе человека. Он на одно или два поколения ближе к идеалу. Он несет в себе абсолютные ценности, на которые преступно покушаться. Молодые знают и умеют больше его самого (например, хорошо разбираются в компьютерах или в мобильных телефонах)? Но они «все равно неправы», все равно «должны знать свое место» и подчиняться. Они хуже просто потому, что на поколение или на два дальше от идеала.

Особое место в представлениях об «испортившейся» молодежи занимает положение о ее крайней агрессивности.

Склонна ли молодежь к насилию?

Обвиняя молодежь в склонности к насилию и жестокости, старшее поколение не приводит никакой статистики и не опирается на результаты исследований. Эмоциональные оценки – и всё. Целенаправленные сравнительные исследования мне неизвестны. Но убедиться в том, что в России в целом молодежь менее агрессивна, чем старшие поколения, легко. Достаточно взять недельную подшивку «Независимой газеты» или «Известий» и проследить, кто именно высказывается за то, чтобы поголовно истребить чеченцев, вешать на площадях «врагов России» и отрубать вора правую руку, кто вещает об этом по телевизору, заявляет в очередях. Практически всегда это люди, которым либо «за пятьдесят» либо по крайней мере «хорошо за тридцать». Для тех, кому «до тридцати», подобные высказывания значительно менее характерны.

Это, конечно, обыденное наблюдение, не более того. Но вот, скажем, такой неоспоримый факт. На протяжении веков изнасилование женщин на завоеванной территории считалось само собой разумеющейся привилегией победителей. Так было по крайней ме-

ре до франко-прусской войны 1870 года. Еще при наполеоновских войнах изнасилования не рассматривались как наказуемые действия, практически не фиксировались и не анализировались (как и факты грабежа захваченных деревень и городов). Во время франко-прусской войны впервые изнасилование женщин захватчиками перестало носить массовый характер. В «Пышке» Ги де Мопассана прусский офицер не берет даже обычную парижскую проститутку силой, а *принуждает* ее к сожительству.

В годы Второй мировой войны случаев изнасилования было очень много, но это вовсе *не* рассматривалось как нормальное поведение. В войнах Новейшего времени изнасилования вовсе перестали быть чем-то само собой разумеющимся. Например, с точки зрения абсолютного большинства современных россиян, сексуальное насилие – признак варварства и крайней жестокости.

Исследования антрополога В. Г. Николаева в Красноярске показали: чисто физически изнасиловать могут не более 4 % мужчин. В основном это люди старше 40 лет. У тех, кого можно назвать «молодежью», с потенцией дело обстоит лучше, но у них сопротивление женщины автоматически гасит эрекцию (Николаев 1996). Подобные наблюдения уже заставляют усомниться в расхожем представлении о возросшей агрессивности современной молодежи.

Я опросил 38 человек старше 40 лет (22 мужчины, 16 женщин) и 89 студентов (44 парня, 45 девушек). Меня интересовало, подвергались ли опрашиваемые физическому насилию, и если да, то в какой степени; принимали ли они участие в актах физического насилия. Результаты можно свести в таблицу:

Таблица

	Мужчины старше 40 (22 человека)	Женщины старше 40 (16 человек)	Парни 18–25 лет (44 человека)	Девушки 18–25 лет (45 человек)
1	2	3	4	5
Физические наказания в семье / в том числе жестокие, до крови	20/7	14/5	34/5	29/4
Участие в драках с членами своего коллектива / в том числе с причинением увечий	22/3	10/0	14/0	11/0

Окончание табл.

1	2	3	4	5
Участие в актах навязанного насилия (в драках при нападении на информатора или членов его коллектива)	22	4	37	8
Ранения, полученные в драках	18	1	3	0
Ранения, нанесенные в драках	22	0	3	0

Получается, что люди старших поколений имеют гораздо больший по объему и более жестокий опыт насилия в семьях и в социальном окружении. При этом они не транслируют зависимой от них молодежи свой негативный опыт: наказывают детей заметно реже, чем наказывали их самих.

10 из 44 парней и 29 из 45 девушек вообще не подвергались телесным наказаниям. Большинство молодых людей не имеют опыта драк с членами своего коллектива и никогда не наносили им увечий или заметных телесных повреждений. Даже драки в ситуации навязанной агрессии, когда на группу или на гуляющую пару нападают хулиганы, вообще неизвестны какой-то части молодежи. И, судя по полученным сведениям, такие драки, когда они случаются, реже приводят к серьезным телесным повреждениям, чем в старшем поколении.

Но если так, то откуда же тезис о возросшей агрессивности молодежи? Как правило, судят по обилию компьютерных игрушек типа «бегалки – стрелялки», построенных на причинении вреда и на уничтожении противника, по множеству фильмов, содержащих сцены самого чудовищного насилия, которые любит по крайней мере некоторая часть молодежи. Странники этой точки зрения опираются также на возросшее число сообщений прессы о фактах насилия во всем мире.

О сообщениях прессы

Подробный анализ «поведения» прессы и телевидения – большая самостоятельная задача. Здесь же ограничимся лишь некоторыми соображениями.

Неверно, будто информация об актах насилия и агрессивный стиль изложения характерны только для нашего времени. Человек, помнящий 1960–1970-е годы и утверждающий, что агрессии в прессе было меньше, опирается на свою эмоциональную память. Между тем анализ как российской прессы до 1914 года, так и прессы 1950–1980-х годов (и советской, и зарубежной) показывает: сообщений об агрессивных действиях в них было не меньше, а *больше*, чем в 2005–2009 годах. Только тогда многие из таких действий не считались агрессивными и не привлекали к себе столь пристального внимания. Например, по нашим расчетам, если в газете «Известия» за июль 1964 года описано более 200 актов насилия разного рода (в основном на зарубежном материале, под рубрикой «Их нравы»), то за июль 2004 года – менее 80.

Повышенная «агрессивность» прессы, постоянные сообщения об актах насилия означают не обилие реальных случаев, а возросшее внимание к насилию. Сегодня (как и во все времена) пишут о том, что привлекает внимание. К насилию приковано огромное, порой болезненное внимание общества отчасти и потому, что насилие перестало быть бытовой нормой.

Виртуальное насилие

Агрессивные игры-«стрелялки» начиная с «Хантера» и через бесчисленные версии «Дум» действительно затопили Интернет. Молодежь действительно часто играет в них – и парни, и девушки. На первый взгляд это проявление просто чудовищной агрессивности и готовности к актам жестокости.

Странно, что при этом не обращают внимания на некоторые особенности таких игр.

Во-первых, очень часто уничтожаются не люди, а монстры, чудовища, истребляющие и мучающие людей. Не кажутся же нам жестокими и вредящими народным нравам легенды о Вольге или Илье Муромце, сражающихся со Змеем Горынычем и Соловьем-разбойником.

Во-вторых, в остальных «стрелялках» конфликт строится на борьбе добра со злом. «Хорошие» воюют с «плохими» – в точности, как в книжках старшего поколения Шерлок Холмс и майор Пронин борются с жестокостью и преступлениями.

В-третьих, более сложные версии игр типа «Цивилизации» включают агрессию как часть стратегии общества, причем в основ-

ном скорее для обороны созданного богатства и разнообразия, чем для присвоения чужого.

Очень важно, что агрессия молодежи вытесняется в этот виртуальный мир и там благополучно «сжигается». В агрессивные игры играют поколения, которые намного меньше привержены насилию в реальном мире, чем поколения старших.

Увлечение компьютерными жестокостями имеет, конечно, и негативные стороны: похоже, какая-то часть подростков начинает путать реальный мир и мир, в котором кровь – красная краска, а «жизней» у каждого по 5 или 7. Но прежде чем делать отсюда далеко идущие выводы, неплохо бы выяснить, чем была жизнь и смерть для мальчиков 1940-х годов, о которых пел В. Высоцкий (2008: 48–49):

Не досталось им даже по пуле –
В «ремеслухе» – живи не тужи:
Ни дерзнуть, ни рискнуть, но рискнули
Из напильников сделать ножи.

Они воткнутся в легкие,
От никотина черные,
По рукоятки легкие,
Трехцветные, наборные.

Они не играли в жестокие компьютерные игры. Но чем для них было насилие, если не красивой сказкой времен войны, на которую они не попали по малолетству и жалели об этом всю жизнь? Кстати: а почему жалели? Патриотизм замучил или вполне аполитичное желание риска, убийства, насилия, балансирования на грани?

Антропологическая константа и ее канализация

Я думаю, что, строго говоря, агрессии не может стать в обществе ни больше, ни меньше. И согласен с теми учеными, которые считают ее одной из антропологических констант (*antropoiogische Konstanten*) – неизменных потребностей и стремлений человека, не поддающихся влиянию общества и не изменяющихся от эпохи к эпохе (Elias 1989; Марков 1997).

Если гипотеза антропологических констант верна, то изменяться могут только каналы, то есть направленность агрессии. Если в современном мире агрессии стало меньше, значит, она ушла куда-то. Изменились точки ее приложения.

Рассуждая о поведении молодежи, старшие редко замечают: молодежь попросту более занята. По данным социологов, количество свободного времени (не занятого сном, производством и работой по дому) в 1960 году у россиянина было в среднем от 3,8 до 4,6 часа в сутки (Бестужев-Лада 1980). В 1995 году – от 1,8 до 2,2 часа (Он же 1996). Получается, что современный человек в России занят заметно больше, чем его предок полвека назад. На это он и тратит огромную часть своей энергии, в том числе и своей агрессивности.

Кроме того, происходит вытеснение агрессии в виртуальный мир: фильмы, компьютерные игры, телевизионные передачи. Это и порождает у поверхностного наблюдателя впечатление, что агрессии и насилия сейчас очень много. Колоссальный интерес к репортажам о несчастьях или об актах насилия свидетельствует именно о редкости явления и о большом внимании общества к насилию.

Литература и фильмы о насилии, телевизионные передачи и компьютерные игры – и есть инфраструктура удовлетворения потребности человека в агрессии и насилии. Если их становится больше, значит, потребность удовлетворяется таким способом. Там, где эта инфраструктура недостаточна, агрессия в заметно большей степени присутствует в реальной жизни. Число актов насилия в некоторых странах Африки, Азии или Латинской Америки в 2000 году вряд ли выше этих показателей в Европе в 1900 году. Но для современного мира это тревожно высокий показатель.

Литература

- Бестужев-Лада, И. В.** 1980. *Социальные показатели образа жизни советского общества*. М.: Наука.
1996. *В преддверии Страшного Суда*. М.: Фон.
- Высоцкий, В. С.** 2008. *Стихотворения и песни*. М.: Профиздат.
- Козлов, В.** 2007. *Реальная культура: от Альтернативы до Эмо*. СПб.: Амфора.
- Марков, Б. В.** 1997. *Философская антропология. Очерки истории и теории*. СПб.: Лань.
- Мид, М.** 1983. *Культура и мир детства*. М.: Наука.
- Мосейко, А. Н.** 1975. «Негритюд» и современная философско-эстетическая и теоретико-литературная борьба в странах Тропической

Африки. *Теории, школы, концепции. Художественный процесс и идеологическая борьба* (с. 242–268). М.: Наука.

Назаретян, А. П. 2004. *Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории (Синергетика – психология – прогнозирование)*. М.: Мир.

Николаев, В. Г. 1996. Конституциональные аспекты интегративной биосоциальной антропологии. *Актуальные вопросы биомедицинской и клинической антропологии: Материалы международной конференции, 24–25 апреля 1996* (с. 14–22). Томск; Красноярск: Изд-во Красноярск. ун-та.

Elias, N. 1989. *Studien über die Deutschen. Machtkämpfe und Habitusentwicklung im 19. und 20 Jahrhundert*. Jahrhundert. Frankfurt/Main: o/v.